УДК 77.01:1 + 77.01:111.1

В. А. Сухарева

ФОТОГРАФИЯ, ВЗГЛЯД И ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена проблеме определения сущностных характеристик феномена фотографии посредством аналитического развертывания ее субъективных и объективных оснований, которые конкретизируются в формах взгляда и реальности соответственно. В результате анализа выявляется проблемный характер данных форм, их внутренняя противоречивость получает теоретическое закрепление в современной философской концепции кризиса репрезентации. Вопрос о природе феномена фотографии решается в нейтральном философском поле проблематики Другого.

К л ю ч е в ы е с л о в а: философия фотографии, онтология фотографии, проблема реальности, визуальный поворот, визуальная репрезентация, кризис репрезентации.

> Что я воспринимаю прежде всего, так это другую «чувственность», и только после того — другого человека и другое мышление.
>
> *М. Мерло-Понти* [7, *193*]

В рамках философского исследования, выбирая в качестве предмета феномен фотографии, мы ставим перед собой двойную задачу. Задаваясь вопросом о сущностных характеристиках фотографии, мы одновременно предпринимаем методологическую «уловку», цель которой — пролить новый свет на старые философские проблемы, имплицитно присутствующие в качестве условий возможности и предпосылок современной философии фотографии. Феномен фотографии принято рассматривать как рождающийся на пересечении двух планов — субъективного и объективного. Поэтому вопрошание о природе фотографии, как вопрошание о пограничном явлении, интересно нам прежде всего потому, что оно особым образом преломляет существующие традиции тематизации и проблематизации соотношения субъективного и объективного и позволяет посмотреть на них под новым углом.

В первом приближении феномен фотографии можно определить как результат моментального столкновения субъекта и объекта, определенных и конкретизированных в формах *взгляда* и *реальности* соответственно. Природа фотографии в этой связи обнаруживает свою многоуровневую структуру и должна рассматриваться одновременно как функция взгляда и как функция реальности, как функция видимой реальности и как функция видимости реальности — во всем доступном для философской мысли многообразии этой функциональной зависимости.

Исторически попытки раскрыть специфику соотношения взгляда и реальности вылились в особую онтологию, центральный тезис которой можно коротко сформулировать следующим образом: быть — значит быть видимым. Апеллирование к этой онтологии (как в позитивном, так и в критическом ключе) свойственно для

© Сухарева В. А., 2017

феноменологической традиции, и прежде всего для представителей современной французской феноменологии, в частности, для М. Мерло-Понти и Ж.-Л. Мариона: «мир есть видение мира и не может быть ничем иным» [6, *112*]; «быть тогда всегда означает быть видимым» [5, *105*]. Также эта онтология лежит в основании так называемой *визуальной концепции реальности* (к примеру, П. Вирильо, Ж. Бодрийяр[1]), цель которой — постичь сущность реального через его корреляцию с видимым: реальное отождествляется с тем, что визуально репрезентировано.

Упомянутые концепции намечают основные пути развертывания проблематики соотношения взгляда и реальности, которые необходимо иметь в виду. Выше мы приняли допущение или, если угодно, гипотезу, о том, что сущность фотографии схватывается где-то на пересечении взгляда и реальности. Но это схватывание может оказаться успешным только при условии, что нам в принципе ясно, *что такое* взгляд и *что такое* реальность. И здесь мы сталкиваемся с едва ли преодолимым затруднением: и реальность, и взгляд открываются нам как весьма обширные проблемные области. И все же необходимо попытаться дать им более или менее четкую характеристику. Для начала обратимся к проблеме реальности.

Проблема реальности

Реальность приходится рассматривать как проблему, постольку поскольку в рамках современной философии не удается опровергнуть утверждение о том, что реальность доступна для нас только в качестве репрезентации реальности (оставим в стороне дискуссию об успешности или провале проектов спекулятивного реализма и объектно-ориентированных онтологий, так как это тема отдельного и весьма обстоятельного разговора).

Более того, для современной философии характерно ставить вопрос о реальности как вопрос о дереализации реальности. Последняя связывается с необратимыми трансформациями в способах и формах репрезентации. И главной причиной этих трансформаций считается активное развитие и внедрение новых технологий, а также распространение созданных на их основе нетрадиционных средств выражения, таких как фотография, кино, компьютерные и цифровые технологии (Ж. Бодрийяр, П. Вирильо, Ж.-Л. Марион). При этом наиболее существенные изменения претерпевают способы визуальной репрезентации, провоцируя настоящий методологический коллапс сразу в нескольких отраслях гуманитарного знания: в искусствоведении, в теории культуры, в исторической науке, а также в философии. В этой связи в конце XX в. в научный оборот вошел новый термин — «визуальный поворот» или «иконический поворот» (впервые предложен современным теоретиком искусства Готфридом Бёмом [8, *10*]), объединивший разношерстные исследования новейших способов визуальной репрезентации в единое научное направление.

Если обратиться к философскому дискурсу, то можно увидеть, что попытки современных авторов осмыслить новые реалии в терминах категориального аппарата

[1] Визуальные знаки и образы — частный случай знаковой концепции реальности Ж. Бодрийяра.

классической метафизики приводят к парадоксальным выводам. Так, процесс дереализации реальности начинает ускоряться и проявлять себя с той большей очевидностью, когда непривычнее становятся новые способы репрезентации. В конечном счете дискурс о реальности подчиняется идее о том, что данная нам реальность с самого начала является дереализованной. Наиболее последовательно эту идею проводит Ж. Бодрийяр, в работах которого часто можно встретить формулировки, подобные следующей: «как ни парадоксально — реальный мир начинает исчезать в тот же момент, когда он начинает существовать» [1, *11*].

Разработка тезиса о дереализации реальности динамически перестраивает и наше понимание механизма репрезентации. Старая философская проблема корреляции между восприятиями и вещами самими по себе в этом контексте оказывается бессмысленной. Ведь в ситуации, когда способы и формы репрезентации детерминируют параметры реальности абсолютным образом (так что вариации условий репрезентации дают на выходе принципиально отличающиеся результаты), едва ли можно говорить о том, что концепт репрезентации сохраняет свое привычное значение (значение опосредованного, вторичного представления первообраза [9, *826*]). Это значение полностью размывается: мы уже не можем говорить ни о первообразе (реальности), ни о представлении (репрезентации), ни о каком бы то ни было логическом порядке или следовании между ними: ни о первичности, ни о вторичности.

Бессмыслицей оборачиваются и традиционные решения проблемы корреляции, предложенные философами Нового времени. Поскольку одной из главных целей новоевропейской гносеологии (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Т. Гоббс и др.) была выработка универсальных критериев и методов, позволяющих критически проверять факты сознания и разграничивать истинные и неистинные представления, то не последнее место в философских поисках того времени занимала тема «гигиены» чувственного познания. Предполагалось, что чувственные репрезентации, при соблюдении определенных условий, могут быть «очищены» и стать адекватными — истинными — образами реальности. Однако в рамках парадигмы дереализованной реальности идея «чистого» восприятия оказывается таким же мифом, такой же иллюзией, как идея чистой и объективной реальности.

Продолжение движения в русле традиционного философствования только углубляет эту терминологическую путаницу: стремление к чистой реальности посредством очищения и совершенствования способов репрезентации лишь ускоряет процесс дереализации реальности, вплоть до ее полного исчезновения, влекущего, в свою очередь, исчезновение репрезентации.

Проблема взгляда

Хотя проблема взгляда тесно связана и даже частично совпадает с проблемой репрезентации, она не может быть полностью сведена к последней. В рамках нашего рассмотрения специфика проблемы взгляда определяется смещением акцента с корреляции между зрительным восприятием и объектом к корреляции между зрительным восприятием и *субъектом* (субъектом как понимающей,

наделяющей значением инстанцией и как набором условий, задающих те или иные характеристики зрительному восприятию). В данном разделе мы более подробно рассмотрим процесс трансформации характеристик зрительного восприятия, как он представлен в философской литературе XX в.

Для этого вновь обратимся к визуальной концепции реальности, в онтологии которой взгляду отводится главная роль. Уже здесь взгляд осмысливается вкупе с его исходными антропологическими характеристиками, он берется как специфически человеческий взгляд вместе с присущими ему физиологическими особенностями, несовершенствами и ограниченностью. Поэтому любая трансформация характеристик взгляда приводит к трансформации самого существа реальности. «Как» взгляда конституирует «что» взгляда, может сделать его более реальным, более правдивым (правдоподобным) или, наоборот, дереализовать его. Эту особенность зрения удачно описывает М. Мерло-Понти: «Монокулярные образы не существуют в том же самом смысле, в каком существует вещь, воспринятая двумя глазами. Эти образы являются фантомами, воспринятая же вещь — реальностью» [6, *15*].

Наиболее последовательное описание трансформации или, если угодно, эволюции, претерпеваемой взглядом, представлено в работе П. Вирильо «Машина зрения». Философ связывает эволюцию взгляда прежде всего с попытками нивелировать антропологические особенности зрения и расширить поле видимости. П. Вирильо выделяет две главные особенности человеческого зрения, конституирующие реальность воспринимаемого объекта:

1. Движение взгляда, вызванное необходимостью всякий раз смещать точку фокуса для того, чтобы обозреть целое: «чтобы ощутить объект с максимальной ясностью, глаз должен совершить значительное число мельчайших стремительных движений между различными точками объекта» [2, *7*]. Благодаря этой особенности ви́дение превращается в развертываемый во времени и обладающий внутренней длительностью процесс.

2. Наличие пространственного интервала между зрителем и объектом, на который направлен взгляд. Роль этого интервала заключается в том, чтобы служить гарантом соразмерности объекта человеческим возможностям, гарантом того, что объект удовлетворяет принципу достижимости, когда все видимое человеком «присутствует на [его] карте “я могу”» [Там же, *18*].

Эволюция взгляда запускается тогда, когда стремление человека видеть как можно лучше и как можно больше начинает осуществляться средствами продуктов научного и технического прогресса, а именно с возникновением и распространением так называемых оптических орудий или оптических протезов, среди которых камера-обскура, линзы, микроскопы, астрономические телескопы и др. Оптические протезы смещают точку зрения зрителя, и теперь, для того чтобы восприятие могло считаться полным, оптические протезы становятся необходимыми.

Вслед за оптическими протезами приходят аудиовизуальные средства: фото- и видеокамеры, затем телевидение. Их главным достижением является окончательная победа над особенностями человеческого зрения. Во-первых, перед человеком открывается возможность схватывать мгновение в его неподвижности,

останавливать внутреннее время, внутреннюю длительность, процессуальность ви́дения. Взгляд становится неподвижным, для восприятия объекта глаз больше не должен совершать никаких движений. Во-вторых, полностью устраняется интервал между зрителем и объектом: сталкиваются бесконечно далекое и близкое, при этом видимое перестает быть достижимым.

Своего апогея эволюция взгляда достигает в повсеместном использовании автоматических камер наблюдения, которые функционируют самостоятельно, уже без человека. Для характеристики такого обезличенного, автоматизированного взгляда П. Вирильо вводит понятие «машина зрения». Машина зрения — это агент искусственного взгляда, оторванного от человеческого сознания, оторванного от субъекта как понимающей, наделяющей значением инстанции. Эволюция взгляда завершается кризисом репрезентации [2, *19*]: оказывается, что репрезентация может и не быть связанной с мышлением, не быть связанной с сознанием. Более того, в рамках разговора о кризисе репрезентации, который активно ведут современные философы, прослеживается идея о том, что сознание — это не более чем продукт репрезентации. Значит, если человеческие способы репрезентации конституируют человеческое сознание, то машинная репрезентация конституирует машинное сознание — так называемый искусственный интеллект. У Ж. Делеза мы встречаем следующее размышление: «силы человека уже вступили во взаимоотношение с другими силами, силами информации, которые вместе образуют не человека, а нечто иное, неделимые системы “человекомашина”» [3, *119*]. Подобную формулировку мы находим и у Ж. Бодрийяра: «все это может создать впечатление или иллюзию фатальной стратегии эволюции», как если бы мы оказались не более чем «детской болезнью технического аппарата, который властвует над нами издалека (тогда мысль, в свою очередь, стала бы детской болезнью Искусственного Интеллекта, человеческое существование — детской болезнью машины» [1, *20*].

Конечно, вопрос о связи между репрезентацией и сознанием можно было бы решить по аналогии с вопросом о соотношении репрезентации и реальности — как терминологическую путаницу. Однако эта возможность существует только для решения вопроса о соотношении человеческой репрезентации и человеческого сознания, но не для вопроса об искусственном интеллекте.

Фотография: по ту сторону взгляда и реальности

Итак, проблемное поле, в рамках которого развертывается вопрошание о природе фотографии, оформляется в контексте пересечения двух проблемных областей — проблемы реальности и проблемы взгляда.

Мы видим, что фотография, с точки зрения современных авторов, оказывается вовлеченной как в процесс дереализации реальности, так и в процесс трансформации характеристик человеческого взгляда. Некоторые авторы открыто провозглашают фотографическое искусство причиной разразившегося кризиса репрезентации. В этом смысле, если бы проблема была поставлена перед нами в такой, несколько наивной форме — «а что же все-таки запечатлено на фотографии:

реальность или взгляд?», — нам пришлось быть дать следующий ответ: «ни то ни другое, и даже не оба вместе».

Рождаясь на пересечении взгляда и реальности, фотография, однако, является *уже не взглядом* и *уже не реальностью*.

Уже не взглядом в том смысле, что мы имеем дело со взглядом, который несоразмерен человеческому. Этот взгляд не укоренен в человеческом сознании. Он укоренен в сознании Другого, в сознании, которое остается для нас недоступным.

Уже не реальностью в том смысле, что мы имеем дело с реальностью, которая открылась взгляду, несоразмерному человеческому. При этом оказывается, что дать характеристику этой реальности невозможно: у нас нет критерия, который позволил бы нам определить: а) является ли эта реальность реальностью; б) можно ли считать ее той же самой реальностью, что и реальность, конституируемая человеческой визуальной репрезентацией; в) может ли оказаться так, что перед нами «чистая» реальность, которой удалось освободиться от всякой репрезентации.

Фотография — это всегда взгляд Другого. Взгляд *уже Другого* (взгляд машины, взгляд искусственного интеллекта, взгляд Бога или взгляд Сверх-Человека), постольку поскольку Другой чудесным образом остался на территории, которую не затронул кризис репрезентации. Это можно объяснить тем, что проблема Другого никогда не ставилась как проблема репрезентации. Поэтому определение фотографии как взгляда Другого можно считать приемлемым как минимум по той причине, что его нельзя в тот же миг заклеймить как ошибочное. Ведь взгляд Другого недоступен нам. Философской теории *еще* только предстоит объяснить его. Мы надеемся, наше решение (хотя, быть может, кому-то оно покажется обычной уловкой) позволит сохранить таинственное очарование фотографии, которая дает нам веру в невероятное — веру в возможность приоткрыть для нас точку зрения Другого.

---

1. *Baudrillard J.* Why Hasn't Everything Already Disappeared? L., 2009.
2. *Вирильо П.* Машина зрения. СПб., 2004.
3. *Делез Ж.* Фуко. М., 1998.
4. *Колодий Н. А., Колодий В. В.* Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Изв. ТПУ. 2010. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-povorot-i-ego-vliyanie-na-sotsialnoe-poznanie (дата обращения: 14.03.2017).
5. *Марион Ж.-Л.* Перекрестья видимого. М., 2010.
6. *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск, 2006.
7. *Мерло-Понти М.* Знаки. М., 2001.
8. *Савчук В.* Философия фотографии. СПб., 2005.
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 16 марта 2017 г.